

**Из истории чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери:
дискуссия по поводу ее принесения из Костромы в Галич в XIX веке**

В новейшей истории нашей Церкви традиционным и весьма распространенным явлением стало принесение чтимых святынь из мест их постоянного пребывания в иные города и регионы для того, чтобы этим святыням могли поклониться многие верующие. Так, чудотворная Феодоровская икона Божией Матери, хранящаяся в кафедральном соборе Костромы, с 2001 года по благословению церковного священноначалия путешествует по многим регионам России и ближнего зарубежья, принося духовную радость православным людям.

Разумеется, при организации таких поездок следует обеспечивать охрану святынь, следить за соблюдением температурно-влажностного режима, оберегать их от возможных повреждений. Но даже в том случае, когда все необходимые меры предусмотрены и обеспечены, иногда возникает вопрос: соответствуют ли такие путешествия святынь исторической традиции?

Конечно, обычай православного паломничества к святыням укоренен в веках; и в наше время трогательно видеть людей, специально прибывающих, к примеру, в Кострому издалека, нередко за тысячи километров, чтобы поклониться чудотворной Феодоровской иконе Пресвятой Богородицы. Однако в минувшие столетия главная святыня Костромы отнюдь не пребывала в абсолютном покое. Ее выносили из собора на общегородские крестные ходы и на престольные праздники городских храмов, многие костромичи считали за счастье принять чудотворный образ Богоматери у себя в доме. Более того, раз в году – вскоре после праздника Пасхи – икону торжественно отправляли в дальнее по тем временам путешествие в уездные города Галич (расстояние до него от Костромы по трассе – 125 км) и Буй (еще 75 км от Галича). Подобное шествие чтимой святыни по губернии являлось одним из важнейших событий церковного года в Костромской епархии.

Первое такое принесение состоялось в 1861 году с разрешения Святейшего Синода, одобдившего предложение епископа Костромского и Галичского Платона (Фивейского) и удовлетворившего просьбу жителей

Галича о том, чтобы чтимая святыня Костромской земли могла ежегодно посещать их город. Впоследствии география принесения иконы расширялась, после Галича ее стали носить также в город Буй, в список мест пребывания иконы добавлялись новые населенные пункты – и, соответственно, увеличивалось время нахождения святыни вне Костромы. В 1916 году, например, чудотворный образ покинул Кострому в Неделю о Фоме, через неделю после Пасхи, и вернулся в губернский город в Троицкую родительскую субботу¹. Прекратился этот благочестивый обычай после революции, но не ранее 1919 года.

Занимаясь изучением истории установления данного обычая, мы обнаружили любопытные документы, отвечающие на вопрос: допустимо ли выносить святыни с места их постоянного пребывания. Оказалось, что традиция принесения иконы в Галич имела любопытную предысторию, а материалы по учреждению такого принесения хранятся в деле Святейшего Синода с необычным заголовком: «По просьбе граждан города Костромы о воспрещении вывозить икону Феодоровския Божия Матери из города Костромы»². И вот что можно сказать о содержании этого дела.

Епископ Платон (Фивейский) был назначен на Костромскую кафедру 15 февраля 1857 года и 30 марта прибыл в Кострому³. Энергичный и деятельный архипастырь сразу же приступил к преобразованию епархиальной жизни, внося в нее немало нового, но строго следуя при этом церковным правилам и традициям благочестия. В сентябре 1858 года, спустя полтора года после прибытия епископа Платона в Кострому, в Николаевском Староторжском женском монастыре города Галича готовились к освящению нового величественного Троицкого собора, строившегося с 1838 года и потребовавшего от насельниц обители огромных трудов. Чтобы особым образом ознаменовать это торжество, было решено принести на освящение Троицкого собора из Костромы чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери. К тому времени святыня нередко выносилась на церковные торжества за пределы города, однако столь дальнее путешествие иконе довелось совершить впервые.

¹ Ферапонт (Кашин), митр. Костромской и Нерехтский. Традиция принесения чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери в города Галич и Буй в XIX–XX веках // Ипатьевский вестник. 2022. № 3. С. 56.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 139. Д. 1871.

³ Островский П.Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском Доме Романовых. Кострома, 1864. С. 188.

Прибытие в Галич чудотворного образа стало настоящим торжеством. Епископ Платон впоследствии, докладывая об этом событии Святейшему Синоду, отмечал:

«Принесение Феодоровской иконы Божией Матери в галичский монастырь было истинной Пасхой не только для сестер обители галичской, но и для всех граждан города Галича и жителей окрестных селений. Молящиеся всякого звания и возраста почти не выходили из монастырского храма, где была поставлена святая икона. В продолжение трех дней освящения трех престолов, в каждый раз я около двух часов шел из церкви, благословляя православных, которые в самых восторженных кликах изъявляли благодарность за то, что они видят святую икону среди своего города. Так утешительно и отрадно им было видеть в своем городе святую икону, что чиновники и граждане города Галича взошли ко мне особенным прошением, чтобы ежегодно в определенное время была приносима к ним святая икона, о чем я имею долг в свое время представить на благоусмотрение Святейшего Синода»⁴.

По окончании галичских торжеств Феодоровская икона Богоматери возвратилась в Кострому. А 17 октября того же 1858 года в Синод поступило прошение костромских граждан – «исправляющего должность костромского градского головы костромского 2-й гильдии купецкого сына Николая Васильева Стоюнина»⁵ и еще 155 купцов и мещан – с пожеланием не износить чудотворный образ на большое расстояние от губернского города. Аргументы просителей были преимущественно эмоциональными:

«В минувшем сентябре месяце, именно 24 числа, жители Костромы были поражены сколько неожиданным, столько вместе и тяжким испытанием: неизвестно по просьбе какой-то особы Феодоровская икона Богоматери, с разрешения местного Преосвященного, отпущена в Галичский уезд, с лишком за сто верст. Сиротство жителей оказывается весьма болезненным; уныние овладело умами и сердцами всех; некоторые даже усвоили себе убеждение, что Небесная Заступница, неисходно присутствовавшая в черте города в течение многих столетий, не благоволит более продолжать Свои щедроты жителям его, как бы потерявшим к Ней свое благоговейное уважение. (...) ... убеждаемся всепокорнейше просить – не благоволено ли будет, для прекращения ропота жителей Костромы и для возвращения душам их мирного успокоения надеждой на покровительство Небесной Царицы, воспретить

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 139. Д. 1871. Л. 13 об. – 14 об.

⁵ Там же. Л. 1.

впредь отправление чудотворной иконы Ея Феодоровския из города в отдаленные пределы губернии, чрез что предотвратятся и более важные последствия, могущие проистекать в подобных случаях и от подобных настоящему распоряжений епархиального нашего начальства...»⁶.

Святейший Синод отправил прошение костромских граждан на отзыв епископу Платону. Донесение костромского архипастыря по этому вопросу от 31 января 1859 года, составленное для Синода, можно назвать примером архипастырского рассуждения о том, следует ли ограничивать народное почитание святыни рамками буквального следования традиции. Владыка обоснованно отмечал, что полностью отказываться от вынесения иконы за пределы города было бы абсурдно, противоречило бы многовековым обычаям. Дальность же расстояния перенесения святыни – при условии соблюдения всех надлежащих предосторожностей – не является непреодолимым препятствием и не представляет опасности для сохранности чудотворного образа, а духовный результат такого перенесения с избытком компенсирует все возможные материальные трудности и затраты. При этом архипастырь строго критиковал, если можно так выразиться, «благочестивый эгоизм» просителей, усматривая в нем догматическое заблуждение:

«Во всем прошении выражается нежелание, чтобы кто-либо другой, кроме жителей Костромы, пользовался духовными дарами, источаемыми от чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, или зависть к духовным дарам. Но у Бога нет лицемерия; Божия Матерь подает милости Свои неоскудно всем, с верою и любовью прибегающим к Ней, а зависть к дарованиям духовным есть грех против Духа Святого»⁷.

Епископ Платон подчеркивал также духовное значение святынь в жизни народа, особенно в трудную годину:

«Бывают случаи общественных бедствий, где немедленным пришествием святой иконы может быть возбужден и оживлен дух народный. Так, мне лично известно, в Казани в 1842 году, когда по случаю бывшего страшного пожара по крайней мере тридцать тысяч человек остались без крова, уныние было всеобщее, все дела остановились, гражданское начальство не знало, что делать. Но как скоро по распоряжению бывшего тогда архиепископа Владимира привезена была из Семизерной [так в тексте, традиционное написание – Седмиезерной – М.Ф.] пустыни Семизерная

⁶ Там же. Л. 1 об. – 2.

⁷ Там же. Л. 8 – 8 об.

чудотворная икона Божией Матери, тогда все ободрились, успокоились в преданности Богу и принялись за свои дела. Могут быть подобные случаи (от которых избави Бог) и в Костромской епархии. Ужели должно отнять у костромского архиерея это сильное средство для возбуждения и оживления духа благочестия и лишить его драгоценного права быть утешителем народа среди бедствий?»⁸

Конечно, прошение костромских жителей можно было бы расценить и как свидетельство горячего почитания святыни, любви к ней – но такой любви, которая затмевает рассудок и производит «ревность не по разуму», или, говоря словами святого апостола Павла, «ревность по Боге, но не по рассуждению» (Рим. 10, 2). И в этом смысле прошение ценно для нас именно как документ эпохи, подчеркивающий значение чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери для костромичей. Однако владыка Платон занял в дискуссии принципиально строгую позицию, обоснованно полагая, что жители Галича столь же достойны видеть главную костромскую святыню, как и жители Костромы.

В ожидании решения Святейшего Синода епископ Платон отправил в Санкт-Петербург еще одно донесение, конкретизировавшее просьбу об установлении ежегодного принесения чудотворной Феодоровской иконы Богородицы в Галич. Владыка предлагал Синоду:

«... учредить ежегодное, в приличном экипаже, перенесение явленной чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери из костромского Успенского кафедрального собора в галичский Преображенский собор с среды Преполовления Пятидесятницы до Недели св[ятых] отец, по прилагаемому при сем расписании. При чем необходимо дозволить икону сию из галичского Преображенского собора, по желанию священно- и церковнослужителей и прихожан, вносить и в другие церкви г. Галича и частные дома жителей»⁹.

Святейший Синод полностью согласился с аргументами владыки Платона в полемике с костромскими гражданами и в определении от 2 мая / 10 июня 1860 года указал:

«Признавая заключение преосвященного епископа Платона по поводу просьбы жителей г. Костромы о воспрещении епархиальному их начальству давать дозволение отправлять св[ятую] Феодоровскую икону за черту города и в уезды губернии, при чем не только не представлено просителями никаких

⁸ Там же. Л. 12 – 12 об.

⁹ Там же. Л. 19.

уважительных доводов в подкрепление их ходатайства, но даже обнаружено положительное отсутствие понятий о христианском богопочтении, правильным, – Святейший Синод определяет означенное прошение оставить без удовлетворения, предоставив преосвященному Платону касательно преподавания просителям при удобных к тому случаях истинного учения Церкви о лице Пресвятыя Девы Марии и почитании, Ей подобающем, поступить по долгу архипастырского служения, о чем и объявить последним чрез местное губернское правление»¹⁰.

Определение же Святейшего Синода об учреждении ежегодного принесения чудотворной Феодоровской иконы Богоматери в Галич, потребовавшее дополнительных согласований, последовало 5 декабря 1860 года (высочайше утверждено и вступило в силу 22 декабря). Синод постановил:

«Разрешить означенное перенесение согласно ходатайству местного епархиального начальства с среды Преполовления Пятидесятницы до Недели св[ятых] отец, дозволив при сем в течении означенного времени износить ту икону, по желанию священнослужителей и прихожан, из Преображенского собора и в другие церкви г. Галича, а равно и в частные дома жителей...»¹¹.

Епископу Платону был отправлен указ Синода соответствующего содержания (№ 149 от 13 января 1861 года), и 17 мая того же года костромская святыня отправилась в Галич уже по благословению высшего органа церковного управления. С того времени такое перенесение совершалось ежегодно до печальных событий XX века.

Подведем итог сделанного нами экскурса в историю главной святыни Костромской земли. На примере чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери мы видим, что временное перенесение святынь из мест их постоянного пребывания для поклонения верующих – продуманное, четко регламентированное, с соблюдением всех необходимых предосторожностей – не противоречит историческим традициям и, более того, имеет свое обоснование в решениях церковного священноначалия. Таким образом, определения Святейшего Синода 1860 года, о которых рассказывалось выше, в определенном смысле сохраняют свою актуальность и сейчас.

¹⁰ Там же. Л. 30 об. – 31.

¹¹ Там же. Л. 37 – 37 об.